

Направлен в Селенгинск
Президента РЖД 40
А. И. Коробцову
(по распоряжению).

От
ИИИ

Коробов
25/11-9/17. N 8424

3.1.7

58

V. 641

22. НОЯ 1991

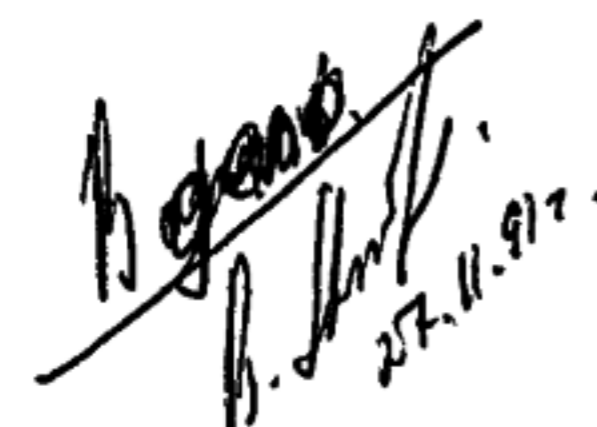
Президенту России
Б.Н.Ельцину

Глубокоуважаемый господин Президент.

Позвольте поздравить Вас с получением полномочий премьер-министра кабинета реформ. Этот шаг еще раз квалифицирует Вас как мужественного политика и решительного человека. Свойства для политика такого ранга не часто востребуемые историей, однако, полагаю, что наступил момент, когда нашему народу нужен именно такой руководитель. Позвольте мне выразить Вам свою поддержку. Не уверен, что Вы в ней нуждаетесь, я всего лишь частное лицо, человек, далекий от политики, простой русский ученый. Тем не менее, я не хотел бы ограничиться словесными заверениями лояльности. Примите это послание как искреннюю попытку помочь Вам в важном деле или, если хотите, в затруднительном положении, в котором Вы оказались. Я лишь ученый, аналитик, поэтому помочь Вам могу лишь несколькими добрыми советами, которые здесь и излагаю.

Я хорошо понимаю, что Ваши помощники вряд ли допустят, чтобы лично Ваше время было потрачено на изучение моего опуса. Однако, это обстоятельство несколько меня не смущает. Я обращаюсь к Вам как к лидеру определенных слоев общества, капитану своей команды, поэтому мое обращение адресовано не только Вам лично, но в равной

V 13-3-4

27.11.91

арх-217
22. XI. 91

степени и Вашей команде.

Для начала я хотел бы напомнить Вам, Борис Николаевич, что Вы сами порой характеризуете себя как человека, выросшего из старой формации и вынесшего из нее немало недостатков слоя аппаратных работников, к которому принадлежали. Это напоминание, извините, вероятно не слишком для Вас приятное, необходимо мне, чтобы предостеречь Вас и Вашу команду от плохой привычки номенклатурных руководителей рассматривать свое руководящее положение как нечто незыблемое. Вы – руководители нового типа, демократического типа. А это значит, что властные полномочия даны Вам на время, всего на несколько лет. Этот простой факт очень многое меняет.

Истории известны два основных психологических типа административных руководителей. Первые, и к ним относится, вернее, относилась, старая советская номенклатура, получают власть пожизненно. Власть – их завоевание в жизненной борьбе, они располагаются в ней надолго, обычно не спешат с переменами и не заботятся о возвращении в прежнее состояние частных лиц. Вторые хорошо понимают, что они – калифы на час, и спешат воспользоваться своим положением, чтобы по возвращении к частной жизни обеспечить себя и своих потомков. Их иногда называют временщиками, которые разрушают государство в целях частной наживы. На самом деле, опасные для общества люди могут быть и среди тех, и среди других. Все дело в подходе, как обеспечить свои интересы, за счет укрепления государства или за счет его разрушения.

Не Ваш выбор – удерживать власть пожизненно или временно. Коль скоро мы перешли к демократии, значит, пожизненных административных карьер больше не будет. И этот факт необходимо осознать, а к передаче власти готовиться заранее, ибо не следует пытаться избежать неизбежного. Для Вас, Борис Николаевич, это обстоятельство следует обдумать с двух сторон. Во-первых, следует обратить особое внимание на недопустимость проникновения в Ваш административный аппарат временщиков, разоряющих

государство. Не следует думать, что эта задача была не менее актуальна раньше. Раньше она не была столь актуальна, поскольку для личного обогащения партийно-государственных работников раньше были морально-этические барьеры, а теперь их нет и не должно быть. Вам надо изменить сами принципы борьбы с казнокрадством. Теперь можно быть богатым человеком, но красть по-прежнему нельзя.

Во-вторых, и главное, необходимость подготовки к передаче власти накладывает определенные рамки на Ваше лично поведение и Вашу политическую линию.

Посудите сами, Борис Николаевич, если передавать власть придется неизбежно, то безразлично ли Вам, кому Вы будете ее передавать? Можете ли Вы допустить, чтобы власть снова вернулась к коммунистам? Думаю, нет. А это, Борис Николаевич, означает для Вас следующий практический вывод: Вам немедленно, не откладывая на год или два, следует приступить к созданию благоприятных условий для формирования демократической оппозиции Вашей власти.

Я понимаю, что этот вывод для вас необычен и парадоксален. Вы готовитесь к трудной и требующей сосредоточения всех сил борьбе за экономические реформы. Вы сейчас призываете демократов всех мастей сплотиться для поддержки Вашего правительства. И вдруг – Вы сами должны способствовать расколу демократического лагеря. Вывод непростой. Но подумайте хорошенько, Борис Николаевич. Полководец, не оставляющий резерва для заключительной фазы боя, нередко обрекает свою армию на поражение.

Среди демократов есть люди, и очень видные, я имею ввиду, например, Г.Х.Попова, которые призывают к временному ограничению демократии на время проведения реформ. Г.Х.Попов в открытой печати изложил свои взгляды на необходимость олигархического правления в посткоммунистической России. В качестве обоснования этой теории он приводит веские доводы: отсутствие достаточной социальной базы для демократического государства и опасность комму-

нистического подполья. Что касается социальной базы, я склонен с ним согласиться, но насчет подполья — сомневаюсь, не сгущаются ли здесь краски. На мой взгляд, никто из существующего истеблишмента на вторую попытку путча сверху не пойдет. Это обыкновенное запугивание обывателя. Возможность того, что коммунисты воспользуются недовольством толпы Вашими реформами вполне реальна, т.е. путч снизу не исключен. Но сегодня в повестке дня он не стоит, это раз. Введение олигархического или какого угодно тоталитарного режима на манер диктатуры Гамсахурдиа для путча снизу не помеха, это два. Скорее наоборот, сворачивание демократических реформ в политической жизни только облегчит коммунистам путь к возвращению на спинах толпы.

Это значит, что Г.Х.Попов неправ, он толкает нас к катастрофе. С другой стороны, демагогические требования коммунистических депутатов к проведению демократических выборов в декабре — это тоже очевидная уловка противников демократии. Я не верю в демократический пыл коммунистов. Если они настаивают на выборах, это указывает на опасность выборов для демократии. Какой тактики следует придерживаться в этих сложных условиях — Вам, Борис Николаевич, виднее. Пусть не будет выборов в течение года, не возражаю. В конце концов, демократия не сводится к выборам. Однако, Вам следует сдерживать слишком ретивые нападки Ваших министров на демократическую печать, только за то, что она придерживается оппозиционных взглядов. Повторяю, Вам нужна оппозиция. Главное, чтобы это была некоммунистическая оппозиция.

Даже простой инстинкт самосохранения должен вынуждать Вас благожелательно относиться к демократической оппозиции. Когда Вы станете частным лицом, как и я, Вам тоже, как и мне, не захочется видеть у власти коммунистов, хотя бы потому, что частная жизнь — тоже штука неплохая, когда коммунистов у власти нет. Их возвращение может означать для Вас, Ваших близких и Вашей команды вообще отсутствие шансов на жизнь, даже частную, не забывайте об этом. Если Вам очень хочется сокрушить

оппозицию – громите коммунистов, но пестуйте демократическую оппозицию, ибо она и прочие демократические институты – Ваша защита от погромов, когда придет время проститься с властью.

К сожалению, для формирования обычной двухпартийной системы время еще не пришло. Для создания массовых демократических партий необходимы социальные силы, могущие составлять их основу. Этим сил сегодня нет. Поэтому Вам надо подумать о личности, которая станет Вашим главным соперником на следующих выборах, и возглавит оппозицию. Если Вы не можете поддержать оппозиционную партию, поддержите оппозиционную личность, позвольте ей создать выгодный имидж в глазах населения, поддержите материально ее предвыборную кампанию из государственных средств, не применяйте недозволенных приемов в предвыборной борьбе. Наконец, заключите джентльменское соглашение с Вашим потенциальным противником, дайте ему понять, что вы – соперники скорее из спортивного интереса, нежели по личной склонности, способствуйте укреплению его позиций. У нас не настолько демократическое государство, чтобы Вы могли себе позволить бороться с ним по-настоящему. Пусть идет борьба в умах обывателя, лишь бы не с участием коммунистов.

Все это тем более важно, что положение Ваше, повторяю, почти безнадежно. Получив власть именно в тот момент, когда положение требует от правителя непопулярных мер, Вы обрекли себя на предание остракизму. Не следует обманывать себя тем, что через год, как обещано, экономика поправится. Во-первых, она не поправится так скоро, что бы Вы ни предпринимали. Во-вторых, даже если произойдет чудо, его стоимость будет столь велика, что голос массы обиженных Вами людей будет гораздо громче, чем людей благоразумных и благодарных Вам. Вам суждено до дна испить эту чашу и испытать всю неблагодарность, на какую только способны люди. Вас проводят проклятиями и, дай Бог, которого, увы, нет, чтобы Вам дали уйти с миром.

Опасность того, что коммунисты усилят свои позиции очень велика. Сейчас ходит анекдот, якобы Брежнев перед

смертью просил, чтобы его положили в гробу лицом вниз: так через десять лет будет удобнее лизать ему зад. Как видите, о временах застоя уже жалеют, а еще года через три-четыре о коммунистическом режиме будут вспоминать как о покойнике: только хорошее. Поэтому, пожалуй, мало будет подготовить Вам достойного демократического преемника. Надо еще подготовить механизм, который гарантировал бы невозможность возвращения к власти коммунистов. Я не вижу сейчас более надежного механизма, чем президентская власть союзного уровня. Более того, я не вижу сейчас более ловкого, авторитетного и заинтересованного в недопущении коммунистов человека на посту Президента Союза, чем М.С.Горбачев.

Опять-таки предвижу Ваши сомнения и возражения. Однако, Вы и сами понимаете, что сегодня М.С.Горбачев Вам нужен, и не только Вы придерживаетесь этого мнения. Вы знаете, как быстро растет его популярность. Я понимаю Ваши опасения насчет вашей давнишней вражды. И все же теперь Вы связаны с ним и днями августовского переворота, и той ненавистью, которую коммунисты питают к вам обоим. Я понимаю, что М.С.Горбачев не безгрешен, что он в еще большей, может быть, степени, чем Вы, привержен старым партийным методам работы. Поэтому я думаю, что его власть необходимо существенно ограничить, впрочем, он сам пошел на это после переворота. Не следует допускать, чтобы он вмешивался во внутреннюю политику, которая должна составлять прерогативу Вашу и Вашего будущего преемника. Но необходимо наделить его достаточными полномочиями, чтобы он смог в критический момент воспрепятствовать захвату власти коммунистами. Для этого надо оставить в его руках армию. Как и армия, он должен теперь быть вне политики, но авторитет "отца русской демократии", даст ему достаточно влияния.

Вы скажете, что Горбачев – старая лиса, которой нельзя доверять. Напрасно. Я замечаю, как Вы время от времени допускаете нападки на него. Это ошибка. Вы хотите продемонстрировать свою силу, а получается, что Вы

демонстрируете неуверенность в своих силах. Вероятно, Вам кажется, что Горбачев Вас снова обманул. Ведь это он отдал Вам власть в такой неудобный момент, прекрасно понимая, что тем самым толкает Вас в политическое небытие, а сам снова уходит от ответственности. Да, это так, но это взгляд дилетанта.

Здесь не просто противостояние личностей, какая-то борьба интеллектов. Людьми, попавшими на вершину власти, руководят веления истории. Даже лидер ватаги детсадовской ребятни не потому лидер, что все ему послушны, а потому, что способен угадывать желания микроколлектива, сделавшего его своим лидером. О королях говорят, что их играет свита. На самом деле даже не свита, а те слои общества, чьи интересы представляет, примиряет или сталкивает монарх. То есть те тайные пружины истории, которые составляют объективную сущность исторического процесса, позволяющую нам говорить об историческом детерминизме. Только обывателю кажется, что правитель могуществен своей мыслью и волей. Правитель действительно могуществен, когда способен правильно и вовремя угадать веление истории и найти кратчайший путь к его осуществлению. Личности, позволяющие себе своевольничать вопреки желаниям группы, ими возглавляемой, высокого положения не достигают. А в том случае, когда высшая власть достается своевольным владыкам по праву наследования, они играют жалкую роль в истории и, будучи неспособны на великие дела, быстро исчезают из памяти людей.

Горбачев – гениальный музыкант в оркестре истории. Дай Бог и Вам отиграть свою партию на таком уровне. А то, что Горбачеву досталась партия правителя компромиссов, а Вам – политического самоубийцы, так это не вина Горбачева. Вините композитора или, если хотите, – себя. Ведь Ваше право играть в этом оркестре или отказаться от выступления.

Конечно, в какой-то степени и Горбачев приложил руку к партитуре. Однако, не следует переоценивать роль личности Горбачева. Думали ли Вы, сосредоточиваясь на

борьбе за власть в России, что отдаленным следствием Вашего выбора будет пробуждение национализма в республиках, после чего даже добившись верховной власти в РСФСР и вырвав власть из рук центра, Вы никогда не сможете претендовать на власть общесоюзную? Скорее всего Вы предполагали, что совершаете простой обходной маневр в войне с Горбачевым и его правительством. А ведь на самом деле Вы делали выбор: быть или не быть демократическому Союзу. Сознавали Вы этот выбор?

Вполне возможно, что от Вашего выбора тогда зависел дальнейший ход истории, но вы сделали этот выбор неосознанно. История, усмехнувшись, предоставила Вам сыграть роль, какую может сыграть не каждый человек. И вот, выбор был сделан, и теперь уже поздно, и Вы, оглядываясь назад, с ужасом можете в этом убедиться. А с другой стороны, был ли у Вас выбор? Позитивной консервативной номенклатуры в центре были Вам тогда не по зубам, а в российских структурах они были послабее. История и тут проявила свой фатальный детерминизм. Так Вашей ли воле распоряжаться историей? Или воля Горбачева сродни воле Господа Бога?

Но вернемся к практическим выводам. Итак, я полагаю, что М.С.Горбачев должен оставаться Верховным Главнокомандующим и Президентом СССР с полномочиями, позволяющими обеспечивать нормальную преемственность власти в республиках, улаживать конфликты между республиками, представлять общесоюзные политические интересы перед лицом мирового сообщества, контролировать общесоюзные политические (прежде всего внешнеполитические, коль скоро внешняя политика так или иначе упирается в военно-стратегический потенциал) и, в какой-то мере, экономические структуры. Вы, если хотите, можете монополизировать внешнюю торговлю и торгпредства, но посольства и союзный МИД надо оставить в покое. Как Вы, вероятно, уже поняли, проблема внешнего долга тоже будет общесоюзной, но Вы можете оказывать влияние на союзную кредитно-финансовую политику по линии правительства и

парламента, рычагов у Вас здесь не меньше, чем у М.С.Горбачева, надо только уметь ими пользоваться не хуже него. Внутренняя политика, повторяю, это Ваша прерогатива, и я уверен, что М.С.Горбачев думает так же.

И, наконец, о развитии демократических институтов. До сих пор Вы и Ваша команда сосредоточивали свои усилия на переустройстве центральной власти, удивляясь одновременно, что на местах не везде демократы правят, как в центре. А ведь только дилетант может думать, что в нашем государстве все автоматически приводится в соответствие с положением в Москве. Конечно, исторически сложилось и закрепилось семьдесятю годами большевистской диктатуры ненормальное положение тотальной централизации в политическом, экономическом и культурном развитии России. Однако, не следует переоценивать это привычное влияние Москвы на положение дел в провинции. Провинции способны на самостоятельную игру и играют в нее, когда обстоятельства им это позволяют.

Демократический способ правления предполагает расширение самостоятельности провинций. Но это не значит, что на положение дел там Вы не можете или не должны влиять. Административное управление – лишь временное и неполное решение проблемы преобразований в провинциях. Вам следует сейчас спросить себя, а что Вы сделали для того, чтобы в провинциях повсюду дело пошло к установлению правильного демократического порядка управления? Пока, кроме мер старорежимных: назначения наместников, как при царе и при коммунистах, Вы ничего по существу не придумали.

Необходимо продолжить процесс развития демократии как в центре, так и на местах. Получить власть – это лишь полдела. Надо упрочить власть до такой степени, чтобы сам порядок вещей в случае какой бы то ни было непредвиденной ситуации приводил к восстановлению демократической власти. Между тем у нас до сих пор нет нормальной судебной власти на местах, и в центре она только-только нарождается. Нормальное ли это положение для демократического

государства?

Суд всегда был опорой и первым источником демократии. Демократия прочна только там и тогда, где и когда при всяком конфликте люди не жалуются по начальству, не хватаются за оружие, а идут в суд и просят решить их спор установленным порядком. В этом разница между демократией, анархией и чиновничьим произволом. Пока нет демократического суда, нет и демократии, каких бы личных убеждений ни придерживались власти.

А демократического суда у нас не будет, пока суд не получит независимую от власти и произвола толпы опору на народное волеизъявление. В демократических странах апелляция к народу всякий раз воспроизводится в суде, когда дело доходит до обращения судьи к коллегии присяжных: каково ваше решение? Функции присяжных выполняют простые граждане, обладающие избирательным правом, подобранные установленным порядком, исключая заинтересованность в исходе дела, с постоянной ротацией. Вот самая демократическая власть в демократическом государстве: каждый избиратель лично осуществляет ее хотя бы раз в жизни, не передоверяя свои властные функции ни президентам, ни мэрам, ни депутатам.

Пока не будет суда присяжных, не будет утверждена демократия на местах, все Ваши усилия сведутся к построению картонного домика на песке.

На первом этапе демократизации ее движущей силой была интеллигенция и пресса. Вам это хорошо известно. Но Вам также хорошо известно влияние письма Нины Андреевой в то время, когда в центре демократизация проходила свой первый этап. Теперь представьте себе, что в Н-ской области после перетасовки колоды местного истеблишмента у власти остались местные секретари и их нины андреевы? Скажите, если в случае чего для властей дорога в Москву всегда короче, чем для простых смертных, то что может подвинуть интеллигенцию на противостояние с истеблишментом? Ваш уполномоченный? Нет. Суд присяжных? Да. Если люди убедятся, что присяжные – те же их придавленные властями

сограждане, – тысячу раз да.

Вы хотите дать фермерам землю? А возьмут ли они ее? Надеетесь воспроизвести опыт первых лет НЭПа? А Вы учли, что в те годы в Советах еще могли заседать те, кого позднее называли "кулаками и подкулачниками"? Вы учли, что деревня, сбросившая в годы революции власть управы и урядника, почувствовала власть в руках своих Советов, где ее вершили такие же придавленные при царе крестьяне? Дали Вы сегодня крестьянину такую власть? Нет. А если будет суд присяжных? Если в случае тяжбы вокруг земли, леса, кредитов, машин крестьянин начнет искать правды не в тех же Советах, послушных, как он сегодня хорошо знает, чиновной власти, а в суде, где вопрос будут решать такие же, как он, придавленные советской властью мужики? Да! Тогда он почувствует свою власть. А Ваш наместник – такой же чужак в деревне, как и прежние, и никогда он мужика ни в чем не убедит.

Более того, не исключено, что и при условии передачи власти крестьянам, Вам не удастся убедить их, что это всерьез и надолго. Успех НЭПа (кстати, не слишком великий, крестьяне не хотели-таки расширять производство, чем и спровоцировали применение насильственных мер в 1928 г.) определялся еще и тем, что люди тогда были все-таки не те, что теперь. Ведь НЭПу предшествовали 60 лет великих реформ, отмена крепостного права, распад сельской общины, революционный передел земли. Все эти годы крестьянам давали почувствовать их значимость, поднимали их самоуважение, укрепляли веру в неразрывность их судеб с судьбой Отечества. А Вашим реформам, весьма скромным по размаху, по сравнению с такими прецедентами, предшествовали 60 лет ограбления, закрепощения, унижения и вырождения. Есть ли в Вашей команде хотя бы один человек, понимающий крестьянскую психологию? Если нет, то на что Вы здесь рассчитываете? На западные рецепты?

Конечно, введение суда присяжных подорвет позиции чиновников, на которых Вы сейчас пытаетесь опираться, о чем откровенно заявляет Г.Х.Попов. О поисках социальной

базы для демократической власти речь пойдет ниже, сейчас я не буду на этом останавливаться. Обсудим лишь остро актуальный вопрос, помешает ли введение суда присяжных облегчению управляемости государством в переходный период. Не следует думать, что проблемы государственного управления и проблемы управленческого класса суть одно и то же. Демократия – враг бюрократизма, а бюрократизм – враг демократии. Управлять демократическим государством командным методом невозможно, думаю, это понятно без объяснений. Местная власть должна быть и будет автономной от центральной, т.е. в данном контексте – Вашей власти. Ваши наместники не переломят этой тенденции, для этого надо изменить характер государственного строя, т.е. пойти назад от августа, к чему, по сути дела, и призывает Г.Х.Попов. Вы не можете себе этого позволить, поскольку таким методом, как по Марксу, будете вскармливать своих могильщиков, ту самую бюрократию, которая после потери Вами поддержки населения, повернет фронт и сдаст Вас коммунистам.

В таком случае, либо Ваши наместники чем далее, тем более будут терять влияние на местные органы, либо они должны будут опираться на местный же независимый суд, который, все же преимущественно руководствуется законом, т.е. парламентскими актами, актами центральной власти. Согласитесь, что, при невозможности управлять старыми командными методами, такой метод все же лучше, чем ничего.

Наконец, пора кончать с митинговой стихией. Вы, конечно, это не хуже меня уже понимаете. Чеченский кризис – очень тревожный звонок. Пора приучать людей решать свои проблемы цивилизованным путем, т.е. в суде. Иначе – хаос. А суд – это все-таки не выборы своего местечкового президента. Этот предохранительный клапан прекрасно выпустит лишний пар, не нарушая установленного Вами порядка.

На этом я завершаю рассмотрение политических вопросов. Далее речь пойдет о вопросах экономических.

* *
*

Я не экономист, и гарвардов не кончал. Однако, меня сильно беспокоит приложимость разработанных в Гарварде или где-либо еще мер к нашей российской действительности и к нашей российской психологии. Я полагаю, что эти, в основном, правильные меры должен проводить в жизнь политик, очень хорошо знающий Россию и нашу жизнь и умеющий вовремя сделать поправку на специфичность местных условий. В этом отношении я могу себе позволить порассуждать о планируемых экономистами преобразованиях и высказать некоторые критические замечания.

В порядке методологического замечания оговорю, что я не считаю сегодняшний экономический кризис экономическим по причинам. Крах экономики – лишь одна из сторон общего духовного кризиса социалистического строя, который и привел к падению социализма. В экономике этот кризис обусловил потерю у работника стимулов к труду, и решение экономических проблем справедливо увязывают поэтому с решением проблем потребительских.

За экономическим крахом в последнее время как-то ушли из поля зрения общественности потребительские проблемы, суть которых была сформулирована еще в годы застоя: кроме продовольственной проблемы тогда было принято упоминать еще и жилищную. Понятно, первая теперь настолько остра, что о второй уже и думать забыли. А мне кажется, что напрасно.

Я помню, что кризис, свидетелями и жертвами которого мы сегодня являемся, был предсказан международными экспертами еще около десяти лет назад, когда наметилась тенденция к опережению роста заработной платы по сравнению с ростом производительности труда. Эксперты справедливо осудили подобную линию нашего правительства, делающую неизбежными инфляцию и хаос. Однако, в то время я

усомнился в справедливости прогноза. И не потому, что после стабильных семидесятых подобное было трудно себе представить, а потому, что я полагал, что подобное перераспределение доходов между работником и государством, которое, будучи монопольным собственником средств производства, беззастенчиво грабило людей труда, мне представлялось делом вполне справедливым. Однако, мне казалось, что государство, понимая неизбежность кризиса в случае, если увеличение доходов населения будет выражаться только в деньгах, должно пойти и дальше – т.е. на передачу в собственность населения недвижимости и превращения ее в объект свободной купли-продажи. Социалистическое государство на этот шаг оказалось неспособно и предпочло развалиться.

Российский парламент тоже не захотел сделать объектом купли-продажи землю, чем и обнаружил ограниченность своей жизнеспособности. Тем не менее с жильем дело, кажется, сдвинулось с мертвой точки, что внушает надежды. Хотя, пока это еще слишком вяло и хило. По существу объектом рыночных отношений становится лишь имеющийся фонд жилья, в то время как новое жилье почти не появляется. Все это должно было бы привести к неограниченному росту стоимости жилья, если бы не наличие еще и продовольственной проблемы, оттягивающей ресурсы малообеспеченной части населения. При государственном регулировании цен, конечно невозможно выбросить из дома самых бедных, которые не могут платить. Впрочем, с помощью либерализации цен Вы, пожалуй, еще дадите возможность русскому народу стать бездомным.

Поймите меня правильно, я не против освобождения цен. Я даже считаю это мерой абсолютно необходимой. Но я думаю, что у нас сейчас господствует ужасное заблуждение, которое можно коротко выразить так: освобождение цен означает введение рыночного механизма, а рынок сам по себе ликвидирует все проблемы и все расставит по своим местам. В том, что освобождение цен – это еще не рынок, газеты нас уже убеждают. Я хотел бы сосредоточиться на второй части:

решит ли рынок все проблемы, если Борис Николаевич его нам обеспечит? Я думаю, что не решит. Проблемы все-таки должен решать сам Борис Николаевич, вот такая заковыка.

Поясню.

Нам необходим рыночный механизм удовлетворения потребительских интересов. Экономисты хором призывают нас заставить рубль работать, а для этого надо наполнить рынок товарами и лишить население лишних рублей. Тогда население якобы будет заинтересовано в зарабатывании твердых рублей, обеспеченных всем достоянием, которое само же и преумножает. Это, к сожалению, схема. Это на Западе население предпочитает зарабатывать, а наше население любит получать даром, обычно того, чего на всех хватит, или жить в нищете, чтобы красть было нечего. Еще бы, если русских людей грабят то свои, то иностранцы, аж с момента появления великорусской нации на исторической арене. Это надо стать другой нацией, с другой национальной психологией, чтобы у нас работали такие простые рыночные схемы. Следовательно, Борис Николаевич, рыночный механизм у нас будет давать сбои даже в относительно спокойный исторический период. Что же касается нынешней великой смуты... Продолжите мои сомнения сами.

А если так, то строительство рыночного механизма — это организация будущего экономического порядка, но не настоящего, и рынок не может быть панацеей для решения экономических проблем, как мыслят экономисты. Организация национального рынка — лишь одна из Ваших проблем, независимо от продовольственной, жилищной и прочих.

Это, так сказать, возражение общего характера. Теперь попытаюсь доказать то же самое более предметно.

Экономист Н. Шмелев предлагает вычерпать лишние рубли с помощью импортных предметов потребления (он имеет в виду компьютеры, а не продовольствие), продаваемых населению по ценам черного рынка. Первую ошибку в этом плане я усматриваю в том, что лишних денег у населения нет. То есть, с точки зрения Н. Шмелева они лишние, а с точки зрения человека, который, хотя и не голодает, но

8

не имеет возможности купить своим детям кооперативную квартиру, эти деньги – совсем не лишние, напротив, он во многом себе отказывает, чтобы эти деньги сберечь. А деньги немалые, учитывая алчность государства, которое взвинтило цены на бесплатное жилье, пытаюсь сделать вид, что бесплатное оно оплачивает само, а не за счет тех, кто его получает бесплатно. А еще более учитывая алчность государственных чиновников, без многотысячных взяток которым получить жилье невозможно: желающих много, а чиновников (по их собственному мнению) мало.

Далее, полагая, что рубли не работают, Н.Шмелев предлагает их вычерпывать ради обуздания инфляции. Если бы он заставил потребителя эти деньги проедать, т.е. взвинтил бы цены на продовольствие, то они действительно были бы вычерпаны. Однако, Н.Шмелев понимает, что такой метод не подходит: малообеспеченные люди будут умирать или бить витрины, второе вероятнее. А предлагаемые им товары могут и не служить для потребления. Ведь для населения "лишние" деньги – совсем не лишние, проедать их оно не намерено, напротив, оно намерено их сохранить. В частности, в условиях инфляции это можно сделать, вкладывая деньги в золото и дорогие товары, которые Н.Шмелев и предлагает. В итоге товары Н.Шмелева выполняют функцию сокровищ, а это уже не потребление.

Однако, дорогие товары плохо выполняют функции сокровищ. Они устаревают, морально и физически. Имей население возможность вкладывать деньги в золото, у нас, возможно, не было бы подобных темпов инфляции. Но, будучи ограблено большевиками и располагая весьма ограниченным запасом золота, население вынуждено ради сохранения отложенных денег активно заниматься спекуляцией дорогостоящими и не очень дорогостоящими товарами. Сегодня в спекуляции вовлечен каждый четвертый, если не каждый второй. В этом механизме инфляции одно цепляется за другое: население не имеет возможности использовать кредиты и вынуждено копить наличные; отложенный спрос не удовлетворяется десятилетиями, наличные обесцениваются;

золота на рынке нет, и, спасаясь от инфляции, население активно занимается спекуляцией; деньги, предназначенные для покупки квартир, вкладываются в потребительские товары, на два-три порядка меньшей стоимости, и цены на них растут, инфляция ускоряется. Так замыкается круг.

Н.Шмелев, таким образом, предлагает подбросить дров в топку инфляции, убеждая нас, что это потушит пламя.

Как же на самом деле разомкнуть петли инфляционного процесса? Очевидно, надо дать населению возможность потратить отложенные деньги именно на то, на что они предназначались, т.е. прежде всего на жилье. Надо положить конец этому национальному позору, когда народ великой страны живет в 20-30-метровых конурах, годами и десятилетиями стоит в очередях на улучшение жилищных условий и боится зачинать детей только потому, что в огромной России для детей не найдется места. А дать людям квартиры должны Вы, Борис Николаевич, а не рынок, становление которого зависит от того, как Вы справитесь с жилищной проблемой.

Однако, я не хотел бы, чтобы у Вас сложилось впечатление, будто я включаюсь в хор голосов, призывающих сначала накормить народ, а потом уж вводить рынок. Те, кто так говорит, либо лукавят, либо ничего не понимают. Кто будет кормить народ не по рыночному, а, очевидно, по старому командно-распределительному механизму? Ведь кто-то должен кормить. Подразумевается - государство, но ведь оно само не сеет и не пашет. Значит, снова будут кого-то грабить.

Строить жилье и печь хлеб сегодня по-старому уже нельзя. Все проблемы надо решать взаимосвязанно, в том числе и жилищную, и продовольственную, и проблему национального рынка. Не хотел бы предлагать экономических рецептов, хотя с моей точки зрения, рецепты могут быть довольно просты: стимулируйте организацию частных строительных компаний, организуйте смешанные компании с участием государства, наполните рынок акциями таких компаний, обещайте акционерам продажу жилья на льготных условиях. "Лишние" деньги будут связаны в считанные

месяцы. **Акции будут непрерывно расти в цене, сегодняшние спекулянты черного рынка превратятся в спекулянтов на фондовой бирже, а это уже новое качество.**

Даже не трогая экономику, Вы, таким образом, уже решите те первоочередные задачи по организации рынка, на которых настаивают экономисты: вычерпаете "лишние" деньги, сократите давление на рынок, он наполнится товарами, у людей должны будут появиться стимулы к труду, в тех, конечно, пределах, которые устанавливает наша национальная психология, не склонная к поощрению честных заработков. Наступит некоторое облегчение, можно будет идти дальше.

Это, разумеется, не единственный и, наверняка, не самый лучший путь, хотя мне он представляется действенным. Но я настаиваю, что искать меры подключения рыночных методов можно только с учетом настроений предполагаемых участников механизма, и я, мысля в этом ключе, полагаю, что население, главный участник, настроено вкладывать деньги прежде всего в жилье. Спрос должен породить предложение, или не будет никакого рынка.

Однако, квартиры надо будет дать быстро, иначе интерес к строительным компаниям угаснет, а ведь дома строят не из бумажных денег. Для этого нужны предприятия строительной индустрии, стройматериалы, коммуникации, транспорт, а не отпечатанные в устрашающих количествах разрисованные бумажки. Нужен реальный строительный бум, нужны ресурсы, его питающие, т.е. общий под'ем промышленности. А его организовать труднее, чем связывание денег. Повторяю, что я верю в ажиотаж вокруг помещения наличных денег, но не верю, что выкачивание денег из населения повлияет на его желание трудиться. Никакое временное появление товаров в магазинах не стимулирует желания заработать. Оно стимулирует только желание добиться от правительства понижения цен.

Разумеется, рассчитывать на под'ем экономики можно, только веря в желание людей честно зарабатывать. Однако, стоит ли выдавать желаемое за действительное только потому, что ничего больше в голову не приходит? Западные

рецепты, рассчитанные на здоровое общество, годятся ли нашему больному? А ведь больна у нас не только экономика, надо лечить души людей.

Построить квартиры за счет подъема экономики не удастся. Сегодня ничто не может возродить экономику, ни приватизация, ни иностранная помощь, ни иностранные капиталовложения. Все это упирается в одно: работник не верит в свою способность работать. Любые привлекаемые в экономику средства должны заставить людей шевелиться, но наших людей шевелиться уже не заставишь ни кнутом, ни пряником. Взять, например, приватизацию. В сфере торговли это еще пойдет, торговый работник знает, какова его сила и верит в нее. Но в промышленности — наивно заставлять людей выкупать акции своих предприятий, если они знают, что работают на них бездельники, с которых прибыли, как с козла молока. Все снова уйдет в говорильню с истерическими призывами засучить рукава, во что не верит и сам призывающий. На что надеются эти люди? М.С.Горбачев как-то сказал, что на государство, на которое они смотрят, как на большой собес. Удивительно точное замечание.

Государство должно признать себя банкротом. Пусть не во всем, пусть не сразу, чтобы не вызвать взрыв. Но это — неизбежное лекарство, вопрос только в том, когда его дать больному, чтобы не спровоцировать обострение болезни.

Те немногие люди, которые еще верят в себя, должны получить все блага не от государства, а от своих трудов, имущества и правильного помещения средств в доходные предприятия. Их пример должен постепенно увлечь остальных. В приложении к жилищной проблеме эти общие принципы выглядят так: те, кто во все времена не ждал бесплатного жилья, а копил на кооператив, должен получить возможность вложить свои деньги в строительство и в кратчайший срок получить желаемую квартиру. Но где же взять ресурсы?

Если их нельзя получить за счет подъема промышленности, придется идти старым путем: пополнить ресурсы строительной индустрии за счет других отраслей хозяйства.

А если уж неизбежно надо кого-то грабить, то на этот раз – не самых слабых, а тех, кого работник сегодня винит в своих бедах: КПСС, военно-промышленный комплекс, государственный бюрократический аппарат. Если нужны материальные ресурсы, то, вероятно, надо иметь ввиду прежде всего военную промышленность. Необходимость конверсии назрела давно, сейчас надо уже не просто "переводить промышленность на мирные рельсы", а буквально раздеть эту сферу. Однако, понимая политическую силу этой отрасли индустрии и ее руководителей, а также имея ввиду необходимость сохранения и укрепления гражданского мира, раздевать военно-промышленный комплекс надо крайне осторожно. Предварительно следует деморализовать его осознанием необходимости платить за попытку путча, оторвать от него собственно военных, в поддержке которых нуждается любая власть, и связать их проблемами реформы армии и ее финансирования, гарантировать им финансирование из республиканских (а не из общесоюзных!) источников. Затем последовательно лишить военную промышленность субсидий и ресурсов, не разгоняя при этом рабочих, ибо им дешевле заплатить за молчание. Для начала ведь вполне достаточно просто не давать никаких материальных ресурсов, чтобы заводы встали и не тратили больше национальное богатство на жертвы военному Молоху. Что же касается рабочих, им надо гарантировать твердую минимальную зарплату, без индексации, постепенно сами разбегутся. Особое внимание следует обратить на командиров производства. Их нельзя преследовать угрозами увольнения без выходного пособия, но надо стимулировать у них желание перейти в более спокойные и обеспеченные правительственной поддержкой отрасли той же строительной индустрии, причем, вместе со своими работниками, т.е. стимулировать пере-профилирование производства. Стимулировать, значит обеспечить повышение, а не понижение личных доходов в случае репрофилирования, на основе перехода с твердого оклада на распределение прибыли, выплаты по акциям и прочие методы стимулирования работников приватизированных

предприятий.

Хотя речь о социальной политике Вашего правительства пойдет ниже, хочу уже здесь отметить, что период социалистического развития в нашей стране во многих чертах сходен в периодом первоначального накопления капитала в других странах. То же самое ограбление населения, та же концентрация капиталов, те же урбанизация и создание армии наемных рабочих из разоренных крестьян. Эти жертвы не прошли бы даром, если бы на базе образовавшейся государственной монополистической собственности были созданы конкурирующие между собой частные компании, ворочающие солидными капиталами, унаследованными от социалистической эпохи. Поэтому я полагаю, что было бы целесообразно помочь сегодняшним капитанам военно-промышленного комплекса примириться с разведением их отрасли путем облегчения для них перехода значительной части собственности, которой они сегодня распоряжаются, в их личное владение. Те, кто поймет свои выгоды от такого поворота событий, в будущем станут вполне мирными и полезными капиталистами, а кто понять этого не пожелает, должен быть в конце концов Вами раздавлен.

Ну а чувства исторической и социальной справедливости будут вполне удовлетворены жесткостью Ваших мер против военной промышленности. Страна получит наглядный урок возмездия за длительное житье этой отрасли за чужой счет и доведение государства до разорения. После того, как за счет разведения военной промышленности работник получит в уплату по долгам государства богатый рынок жилья, можно будет более твердо рассчитывать на понимание им необходимости честно трудиться и., доверяя правительству, как честному партнеру, оплачивающему свои долги, не рассчитывать, в то же время, на госбюджет, как на кормушку.

* *
*

Вопрос о социальной базе Вашего правительства – самый сложный и деликатный из всех, которые я хотел бы здесь обсудить. Чтобы подступиться к нему, мне необходимо уйти далеко в сторону от практических вопросов в область методологии.

По сути дела это, вопрос о социальных силах, сваливших социалистический строй и совершивших демократическую революцию. Начнем с социальной базы социализма, которая растаяла к августу нынешнего года. Я считаю, что этой социальной базой был рабочий класс.

До определенного момента я, как и Вы, конечно, по убеждениям своим был марксистом. Я и теперь остаюсь последовательным сторонником материалистического взгляда на историю, хотя согласен с Марксом далеко не во всем. Однако, речь не о моей философской доктрине.

Как и следует из учения Маркса и Ленина, власть в России в 1917 году перешла к рабочему классу. В отличие от эксплуататорских классов предыдущих формаций, рабочий класс в целом не является активным организатором производства. Поэтому роль организатора производства взяла на себя особая социальная прослойка, сформировавшаяся частью из рабочего класса, частью из интеллигенции. Эту прослойку можно называть управленческой. Поскольку самостоятельной политической силой она стать не могла по ряду причин, которые я не стану перечислять, эта прослойка осуществляла функции государственного и хозяйственного управления от имени рабочего класса и в его интересах. В то время как все остальные социальные слои угнетались и хирели, рабочий класс рос, паразитируя на национальном достоянии и богатстве, собираемом путем ограбления прочих социальных слоев. Его не обременяли ни ответственностью за успех хозяйственной деятельности, ни заботами о госу-

дарственном устройстве и социальных благах. Даже ответственность за провалы в хозяйственной деятельности рабочий класс перекладывал на плечи обслуживавшего его управленческого сословия, приписывая себе одни заслуги. Считалось, что рабочему классу принадлежит честь быть автором всех успехов социалистического строительства, в то время как на самом деле эти успехи во многом определялись ограблением и уничтожением крестьянства, хищнической эксплуатацией природных ресурсов от казахстанской целины до сибирской нефти, спекуляциями золотом, сырьем и энергетическими ресурсами на мировом рынке.

О масштабах паразитизма рабочего класса можно судить хотя бы по количеству лишних, не нужных для производства работников на наших предприятиях.

Почему же теперь рабочий класс стал активно проявлять недовольство столь выгодным для него социалистическим строем?

Я думаю, дело в том, что социальной базой русского социализма был незрелый рабочий класс, только что сформировавшийся из люмпенизированного крестьянства. Как только формирование рабочего класса было закончено, а бывшее могучее крестьянство сведено до незначительной части населения, рабочий класс стал изменяться качественно. Эпоха, когда он был доволен низким, но гарантированным уровнем жизни, еще помня страх полного разорения и изгнания из родной деревни, прошла. Рабочий класс пожелал улучшения своего положения. И тут обнаружилась неспособность государства, исчерпавшего все мыслимые и немыслимые ресурсы, удовлетворять возросшие аппетиты своего нахлебника. Ведь страна, в которой основной производитель материальных благ склонен к паразитическому образу жизни, обречена на нищету.

К.Маркс преувеличивал роль насилия в истории. В качестве модели для своей теории исторического развития он взял Великую французскую революцию, когда господствующее дворянское сословие было ограблено и изгнано из своей страны угнетенным третьим сословием, в результате чего

зародился французский капитализм. Мне же представляется лучшей моделью английская революция, когда в ходе преобразований XVII века, тоже, к сожалению, не обошедшихся без потоков крови, дворянство укрепило свои позиции, уничтожило абсолютизм, мешавший разорять крестьян, а итогом стало уничтожение эксплуатируемого крестьянства как класса. Новая формация стала результатом превращения крестьянства в класс наемных рабочих, дворянство перешло на более прогрессивный капиталистический метод эксплуатации, преобразования свершились в интересах господствующего класса.

Я думаю, что в истории, как правило, революционные и иные преобразования совершаются именно в интересах господствующего класса, в частности, только так и могло зародиться вообще классовое общество. Однако, история оставляет народам возможность выбора: если господствующий класс оказывается слишком консервативным, ход истории делает его недействительным, вплоть до физического уничтожения личного состава эксплуататорского класса и формирования нового господствующего класса на основе нового расслоения общества, как это предусмотрено марксистской теорией.

Так, и закат капитализма возможен в интересах самого класса капиталистов, если ради сохранения социальной стабильности этот класс идет на включение в свой состав эксплуатируемых слоев населения. Таким путем сформировался современный буржуазный средний класс, основа будущего бесклассового общества. И не нужно ни диктатуры пролетариата, ни борьбы с частной собственностью. Не будучи способными, или не желая видеть подобной альтернативы, теоретики марксизма тем самым заложили в свою теорию неизбежность поражения того класса, который вздумает попытаться этой теорией воспользоваться. В итоге большевистская партия завела нашу страну в тупик, выход из которого только один - назад, к частной собственности, к классовому обществу.

Однако, путь назад тоже должен быть пройден с

учетом закона о выгоде преобразований для господствующего класса, т.е. для рабочего класса нашей страны. В этом и заключается вся сложность стоящей перед Вами задачи.

С одной стороны, рабочий класс, который сегодня недоволен социализмом, привел Вас к власти. Это преобразование и свершилось так легко, что изменения социальной базы власти в ходе августовской революции не произошло. Власть осталась у рабочего класса, он просто изъял ее атрибуты у прежних правителей и передал персонально Вам. Теперь Вы должны править по поручению и в интересах рабочего класса.

С другой стороны, рабочий класс этим фактом признал свое всемирно-историческое поражение, причем, вопреки Марксу, без всякой классовой борьбы. В ходе проводимых Вами преобразований он должен уступить свою политическую власть новым, еще не родившимся социальным силам, которыми в перспективе станут класс предпринимателей, в том числе крупных, и буржуазный средний класс. Класс крестьян в силу обстоятельств больше не способен на самостоятельную политическую роль и будет примыкать к одному из новых классов. Что же касается рабочего класса, его ждет сокращение численного состава, расслоение, утрата прежнего политического значения. И чем скорее завершатся родовые муки установления нового миропорядка, тем лучше для всех.

Теперь Вы и сами видите, что, во-первых, смятенный господствующий класс, и боящийся уступить власть, и понимающий бесперспективность своего господства, еще долго будет колебаться и кидать государство из стороны в сторону, поручая управление то тем, то другим лидерам. Стабилизировать положение может только переход инициативы в руки новых социальных сил. Вряд ли Вы дождетесь этого, Вы – следующая жертва колебаний власти. Тем не менее, надежда у Вас есть, темпы преобразований зависят прежде всего от Вас. Во-вторых, в своих преобразованиях Вы не можете опереться на рабочий класс, приведший Вас к власти, ибо этот класс потерпел поражение, деморализован и не имеет перспектив.

Чтобы достойно вести себя в этой запутанной ситуации, Вам надо ясно видеть перспективы, хорошо чувствовать ситуацию и быть очень ловким человеком. Хотелось бы пожелать Вам успеха, хотя я, повторяю, не завидую Вашему положению.

Каковы могли бы быть практические рекомендации для Вашей социальной политики? Во-первых, проводить преобразования в интересах рабочего класса. Его глобальный интерес заключается в том, что он неспособен сам управлять собой, ему необходим хозяин, которому Вы и должны помочь появиться. Во-вторых, Вам нужно воспользоваться дезорганизованностью рабочего класса для его раскола, чтобы предупредить его вмешательство в политику. Рабочий класс для его же блага отныне должен быть отстранен от политики и от управления вообще еще более решительно, чем М.С.Горбачев. В-третьих, Вам нужно принять меры для укрепления нарождающейся буржуазии: уже появившихся предпринимателей, еще не осознавших свои перспективы на этом поприще нынешних управленцев высокого (но не высшего!) уровня, наконец, для среднего класса, который Вы еще должны создать на пустом месте из всех прочих управленцев, интеллигенции и наиболее квалифицированной части рабочего класса.

Первая из перечисленных задач кроме глобального аспекта включает в себя, разумеется, и другие. Чтобы рабочий класс достаточно долго терпел Вас на нынешнем посту, Вам придется ему всячески льстить, изворачиваться, идти на уступки, избегать открытых столкновений, проводить малозначащие популярные мероприятия, чтобы затормозить падение популярности Вашего правительства.

Сбросьте цены на водку, продавайте спирт ведрами, избавьте людей от стояния в очередях за спиртным и сахаром, уведите из оборота параллельную валюту, которой сегодня является все, что содержит спирт. Не тревожьте откровенных паразитов в среде рабочего класса, им дешевле платить, даже с индексацией, если придется, но сохранить гражданский мир, ибо классовая борьба выгодна только

коммунистам. Тем не менее, повышение доходов сверх среднего гарантированного уровня нищеты должно стать нормой в среде рабочего класса и обязательно должно быть связано с частным сектором экономики, работать на авторитет частной собственности. Не давите на кооператоров, но шумно боритесь с недостатками в кооперативной сфере, делая вид, что акционерная форма собственности не имеет ничего общего с кооперативной. Она и в самом деле имеет очень мало общего с ларьками советских кооперативно-криминальных торговцев мелким ворованным имуществом.

Резкие сдвиги следует запланировать в торговле вообще. Эта сфера достаточно далека от основной массы рабочего класса, поэтому, если здесь Вы проявите весь Ваш тяжелый характер и нетерпеливость, никто Вас не осудит, а у рабочих Вы заслужите одобрение. Сделайте доходы работников торговли прямо зависящими от оборота, пусть они хоть вовсе зарплату не получают, если выручка невелика. Беспощадно подавляйте всякое движение против реформ в торговле, у торговли загажники всегда полны, а похудеть тамошним работницам даже полезно будет. В условиях кризиса создайте чрезвычайную инспекцию торговли и складов. Поручите ей следить за налогообложением, которое должно увеличиваться в случае замедления реализации товаров. Учтите, что русский купец всегда плохо считал, предпочитал сгноить, но не сбросить цены, с этим еще Петр Великий боролся. Торговля будет придерживать товар, чтобы увеличить выручку из-за повышения цен. Сделайте невыгодным затоваривание, пусть лучше продают за пол-цены, чтобы избежать уплаты сверхналога за лишний день хранения товара. Особое внимание обратите на продовольственные товары. В московский двор, куда выходит заднее крыльцо продовольственного магазина, и сегодня, на грани голода, невозможно зайти, так там воняет гнилью. За качеством товара следит одна санэпидстанция, а должна бы следить налоговая инспекция. И сокрытие порчи товара надо штрафовать так, чтобы неповадно было не только засыпанному магазину, но и всему кварталу.

В самом деле, ведь у нас достаточно продуктов. Наши экономисты усматривают причины дефицитов преимущественно в ажиотажном спросе, а иностранные – в огромных потерях при транспортировке и распределении. Кто прав, если во дворах воняет гнилью, как Вы думаете?

Чтобы избежать коррумпирувания чрезвычайной инспекции, надо установить за ней контроль со стороны компетентных органов. Да, и сам состав инспекторов, возможно, имеет смысл набирать из сокращаемых работников КГБ и многочисленных первых отделов, после соответствующей переподготовки, разумеется.

Для внесения раскола в ряды рабочего класса надо немедленно принять меры по вовлечению его в спекуляции на фондовой бирже, о чем я уже говорил, и в прибыли своих предприятий, о чем давно толкуют, но не знают, как к этому подступиться. Надо найти способы. Пусть работник для начала втягивается в финансирование строительной индустрии, что ему ближе и понятнее. Да, хоть вино-водочных заводов, лишь бы привыкал играть на бирже, а не в спортлото и лотерею ДОСААФ. Рабочий, который имеет акции и стрижет купоны, – уже кандидат в средний класс, он уже уходит от компании нищих смутьянов. Объявите тайную войну профсоюзам. У нас не Европа, культурного соглашения между предпринимателями и профсоюзами не добьешься, а раз так – надо давить профсоюзы, как в Америке. Верхушку – разложить и подкупить, поощрять развитие бюрократизма в профсоюзных комитетах, побольше отчетности, понеповоротливее боссы, повыше профсоюзные взносы; на нижних уровнях – ограничивать права, дискредитировать достижения, привлекать внимание к недоработкам, обложить налогами профсоюзные деньги, ловить на бюрократизме и финансовых злоупотреблениях. Затруднить организацию и регистрацию новых профсоюзов, особенно в частном секторе экономики, облегчить предпринимателям борьбу с профсоюзными акциями, ужесточить антизабастовочное законодательство. Когда из рабочего класса уйдут наиболее здоровые элементы, профсоюзы станут выразителями интересов бездельников и

паразитов общества. Против этого рассадника надо вести профилактическую санитарную борьбу. Но! В белых перчатках, чтобы не навлечь на себя гнев рабочего класса.

Особого внимания заслуживает судьба управленческой прослойки нашего общества. Г.Х.Попов склонен думать, что чиновники могут быть социальной опорой Вашей власти на данном этапе развития демократии. Это ошибка. Во-первых, этот слой никогда не был способен на самостоятельную политическую и социальную позицию. Слишком долго он был расколот и угнетен непомерной ношей ответственности за просчеты производства. Этот слой способен лишь на служебные функции, каким бы всемогущим он ни казался. Он всегда на стороне сильного, вчера – за М.С.Горбачева, сегодня – за Вас, завтра будет за того, кого рабочий класс предложит Вам на смену, хоть за коммунистов, хоть за фашистов. Можно дискредитировать в глазах коммунистов М.С.Горбачева, но связать таким способом целый слой общества нельзя. Поэтому Вы никогда не заставите управленцев строить новое общество добровольно и рьяно, они всегда будут оглядываться на коммунистов, – а что, если они вернуться?

Более того, значительная часть управленцев в ходе преобразований подвергается риску выпасть из лодки. Я уже упоминал капитанов военно-промышленного комплекса. Поэтому управленческий слой Вы тоже должны расколоть и обезвредить.

Таким образом, социальной опоры у Вашего правительства сегодня нет и быть не может. На какой бы из существующих классов Вы ни попытались опереться, это приведет Вас к необходимости сворачивания реформ, к политике усугубления национального кризиса и к краху. Ваша позиция может быть прогрессивной только в том случае, если Вы попытаетесь обойтись вообще без социальной опоры, рассчитывая обрести ее в будущем, слишком, к сожалению, отдаленном.

Что касается будущего, там я вижу две ведущих социальных силы. Первая и основная – буржуазный средний

класс. В силу национальных особенностей именно этот класс будет самым сильным и многочисленным, а его политическая партия – правящей. В оппозиции будет партия, представляющая интересы предпринимателей. Система этих двух партий, сменяющих друг друга у кормила власти, должна быть достаточно стабильной, чтобы наша русская нация снова стала могущественной и процветающей. Я верю в будущее самого атеистичного и глубоко нравственного народа планеты.

Я искренне желаю Вам участвовать в закладке основ этого будущего, это, право, достойная цель, и, по возможности, насладиться плодами своих трудов.

Желаю успеха,

А. Н. Первачев

8424 / 31

06.MAP 1997 * 424